

О.А. БЕЛОБРОВА

ЛАТИНСКАЯ НАДПИСЬ
НА ФРОЛОВСКИХ ВОРОТАХ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ
И ЕЕ СУДЬБА В ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Среди нелетописных источников, отразивших участие итальянских зодчих в строительстве Московского Кремля, особое место занимают редкие эпиграфические памятники. Это резные надписи на каменных плитах, укрепленных над проездной частью бывших Фроловских ворот нынешней Спасской башни Кремля, одна на русском, другая на латинском языке. Обе эти надписи давно введены в научный оборот и неоднократно публиковались, хотя их воспроизведения нельзя признать сколько-нибудь удовлетворительными. Известны издания транскрибированного текста надписей в середине XIX в. в труде И.М. Снегирева¹, в начале XX в. — в книге С.П. Бартенева², в статьях К.А. Хрептовича-Бутенева и А.В. Орешникова, В.К. Трутовского³. В советский период оба текста были включены в «Библиографию русских надписей» академика А.С. Орлова⁴; наиболее точная передача транскрибированного текста содержится в известном своде В.Б. Гиршберга, а также в книге Е.В. Федоровой⁵.

Русская надпись: «В ЛЕТО 6999 ИУЛИА БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ СДЕЛАНА БЫСТ СИА СТРЕЛНИЦА ПОВЕЛЕНИЕМЪ // ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА ГДРА И САМОДРЪЖЦА ВСЕЯ РУСИИ. И ВЕЛИКОГО КНЗЯ ВОЛО//ДИМЕРЬСКОГО. и московского и новгородского. И ПСКОВСКОГО. И ТВЕРЬСКОГО. И ЮГ//ОРСКОГО И ВЯТСКОГО. И ПЕРМСКОГО. И БОЛГАРСКОГО. И ИНЫХ ВЪ 30 Е ЛЕТО ГДР//ЪСТВА ЕГО А ДЕЛАЛЪ ПЕТРЪ АНТОНИЕ ОТ ГРАДА МЕДИОЛАНА».

Латинская надпись: «IOANNES VASILII DEI GRATIA MAGNUS// DUX VOLODIMERIAE, MOSCOVIAE, NOV//OGARDIAE, TFERIAE, PLESCOVIAE, VETICIAE, // ONGARIAE, PERMIAE, BUOLGARIAE ET//ALIAS TOTIUSQ(UE) RAXIE D(OMI)NUS, // A(N)NO 30 IMPE-RII SUI HAS TURRES CO(N)DERE // F(ECIT) ET STATUIT PETRUS ANTONIUS SOLARIUS//MEDIOLANENSIS A(N)NO N(ATIVIT) A-(TIS) D(OM)INI 1491 K(ALENDIS) M(ARTIIS) I(USSIT)P(ONE-RE)».

Отмеченный еще в 1916 г. курьез — публикация С.П. Бартеневым вместо древнерусского текста надписи современного перевода латинского аналога⁶ — все еще остается непреодоленным: и по сей день продолжает перепечатываться этот новый перевод, а не подлинная надпись, будто и не была разъяснена эта печальная ошибка А.В. Орешниковым и В.К. Трутовским⁷. Мы располагаем в настоящее время такими технически слабыми репродукциями русской надписи, как цинкография 1916 г. и фоторепродукция в своде 1960 г.; латинская же надпись не воспроизводилась вообще, если не считать малодостоверных книжных гравюр середины XIX в. работы П. Васильева⁸.

Основной вопрос — современны ли обе надписи постройкам конца

XV в. — решен положительно: на основании веской аргументации они признаны изначальными. В каждой из них назван заказчик, московский великий князь Иван III, и архитектор, Пьетро Антонио Солари, родом из Милана («Медиолана»); и в той и в другой сообщается, что строительство пришлось на тридцатый год правления Ивана III. Имеются в надписях и различия: русская начинается с даты (лето 6999), латинская — датой (1491) завершается; русская размещена в пяти, а латинская — в восьми строках; в русской говорится про одну стрельницу, а в латинской читается — «TURRES» (башни), во множественном числе. Не совпадает порядок слов титулатуры, отличаются летосчисление и цифровые обозначения. Главное же различие: в латинской надписи имя архитектора трехчастное — Пьетро Антонио Солари, в русской — двухчастное (опущено имя Солари). Этого последнего имени нет и в русских летописях.

Сопоставление обеих надписей с русскими летописными известиями о Пьетро Антонио Солари показывает, что они между собой вполне согласуются. Правда, на плитах Солари не называется «архитектон», как в Воскресенской летописи⁹. И в надписях говорится не о всех зданиях, которые связаны с творчеством Пьетро Антонио Солари в Московском Кремле, а только о Фроловской башне. По типу или жанру надписи на Фроловских воротах — строительные. Сходный древнерусский текст более позднего времени, середины XVI в., сохранила каменная резная доска от Кирилловской церкви монастыря Рождества Богородицы «на Возмище» в Волоколамске, построенной повелением архимандрита Ионы мастером Повиликой Тверитином¹⁰. Типологическую связь этой надписи и текстов Фроловских ворот уловил еще П.М. Строев, снимавший с них копии¹¹.

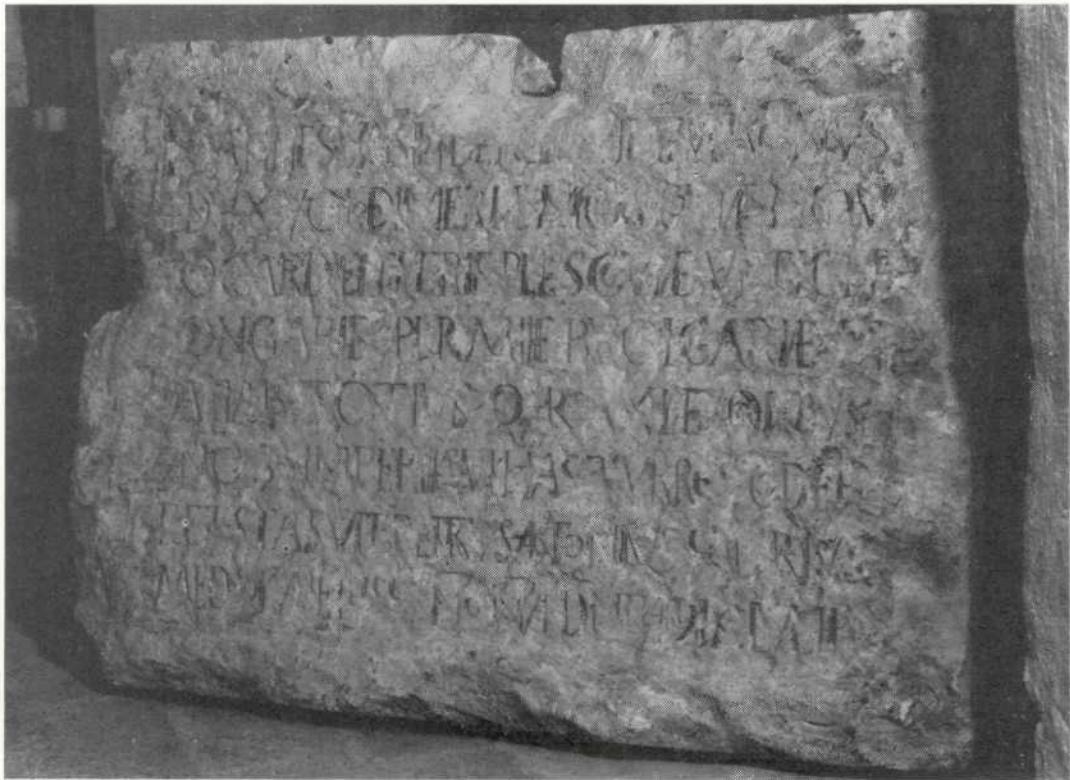
Латинский текст Фроловских ворот столь же традиционен. Сравнение его со строительными надписями XV—XVI вв. на крепостных стенах, воротах и храмах итальянских городов, в частности Рима, показывает, что он составлен по давно сложившейся формуле: сначала названо имя высокопоставленного или знатного заказчика, затем упоминается строитель, и в самом конце указана дата. Чтобы оценить зависимость латинской надписи Фроловских ворот от устойчивой итальянской эпиграфической традиции, достаточно обратиться, например, к четырнадцатитомному своду надписей на зданиях Рима, изданному В. Форчеллой более ста лет назад¹². Тот же характер имеют надписи на майоликовых дисках, находившихся на зданиях в г. Фаэнце (1475 и 1491)¹³. Единственное отклонение в московской латинской надписи от этой массы образцов — обозначение даты не римскими, а арабскими цифрами. Можно полагать, что это дань местным условиям: в Москве XV в. благодаря торговым связям арабские цифры были более понятны и употребительны, чем римские. В целом латинская надпись на Фроловских воротах традиционна, выполнена по широко принятой тогда в Италии формуле. В русской же надписи известия излагаются по порядку, или «чину», принятому на Руси, в духе летописных записей, которые, естественно, начинаются с даты¹⁴. Таким образом, сопоставление русской и латинской надписей позволяет оценить не только их идентичность и равноправность, но и присущую каждой из них жи-

вую связь с эпиграфическими традициями строителей как Италии, так и Руси.

Судьбы самих плит с надписями сложились по-разному: плита с русской надписью сейчас находится на прежнем месте — на стороне башни, обращенной внутрь крепости; плита с латинским текстом была заменена копией, подлинник же, с полусбитыми буквами (ил. 1), хранится в фондах Музеев Кремля¹⁵. Когда произошла замена, неизвестно. Так, подробная Опись ветхостей в башнях и стенах Московского Кремля, составленная в 1667 г., резные плиты не включает, хотя состояние Спасской башни в целом было не безупречным. В Описи читаем: «Спасская проезжая башня. В нее с городской стены от Никольских ворот вход: в дверех свод разселся и кирпичье висят...»¹⁶.

В это время памятники Московского Кремля тщательно оберегаются. По указу царя Алексея Михайловича в 1672 г. было сделано описание живописи Золотой и Грановитой палат. Определение сюжетов и описание их расположения было поручено ведущему царскому изографу Симону Ушакову. До того внимание обращалось лишь на описание сюжетов, или «притч», росписей, в то время как «царь... Алексей Михайлович... указал... списать подписи и описать подлинно, какие на стенах и сводах притчи написаны, и зделати тому всему книги»¹⁷. Это указание привело к фиксации не только живописи, но и эпиграфического ее материала, нашими филологами и палеографами еще не оцененного в должной мере. Любопытно, что в ряде случаев надписи вязью не прочитаны, а перерисованы как орнамент, хотя в основном все подписи разобраны и тщательно переписаны.

По-видимому, в круг тех же мероприятий входило и поручение переводчику Посольского приказа Николаю Спафарию перевода латинской надписи на Спасской башне. Ученый книжник, валах, обучавшийся в Константинополе, знавший культуру Италии, Николай Спафарий прибыл в Москву и был принят в 1671 г. в число переводчиков с «еллинского и греческого и латинского и волоского языков». Сохранились списки его перевода, сделанного, по-видимому, непосредственно с плиты. Примечательно, что вначале помещен русский текст, а уж после него идет перевод латинской надписи. В одном из списков конца XVII в. читаем: «Кремля города на Спаских воротах изнутри города в клейме руское письмо: в лето 6999-го иулия божиею милостию зделана бысть сия стрельница повелением Иоанна Васильевича, государя и самодержца всеа Росии и великого князя владимирского и московского и новгородцкого и псковскаго и тверского и югорского и вятцкого и пермского и болгарского и иных, в 30-е лето госу-дарства его, делал Петр Антоние от града Медиолана. На тех же Спаских воротех з загородную сторону в клеймех подпись по латине: Иаанн Васильевич божиею милостию великий князь владимирский, московский, новгородцкий, тверский, псковский, вяцкий, угорский, пермский, болгарский и иных и всеа Росии государь в лето в 30-е госу-дарства своего сии стены созда, строитель же бысть Петр Антоний Сонъарии медиоланянин в лето от рождества Спасителя 1493-го, а переводил тое латинскую подпись Посольского приказу перевотчик Микалос Спотали»¹⁸. Подобная транскрипция имени Николая Спафа-



1. Каменная плита со сбитой латинской надписью XV в.
с Фроловской башни Кремля

рия, скорее всего, орфоэпического происхождения, то есть записана с его слов; видимо, его речь звучала непривычно для русского уха, да и говорил он, вероятно, недостаточно внятно по той причине, что ему в свое время «урезали» нос (в наказание за причастность к политическому заговору). Аналогичная транскрипция встречается в документах о приезде Спафария в Москву «в вечную службу»¹⁹ и характерна только для первых месяцев его пребывания на Руси. В дальнейшем его именуют в Москве и Сибири, где он побывал в связи с посольством в Китай, — Николай Спафарий. Так его называет и глава Посольского приказа боярин Артемон Сергеевич Матвеев, сына которого Андрея, будущего дипломата, Спафарий обучал латыни²⁰.

В настоящее время известны тринадцать списков надписей на плитах кремлевской башни (русской и, в переводе Спафария, латинской), из них семь — конца XVII в., а шесть — XVIII в. Заметим, что надписи воспринимались как единый нераздельный комплекс, то есть читались и переписывались вместе²¹. В некоторых списках имя переводчика латинской надписи опущено²². Во всех списках перевода имя итальянского архитектора читается с одинаковым искажением: «Строитель же

бысть Петр Антоний Сонъарии, медиоланянин». Дата постройки, верная в русской надписи (6999-1491), в переводе с латыни читается почему-то как «1493». Наконец, слово «TURRES» переведено не как «стрельницы» или «башни», а как «стены». Трудно сказать, были ли это описки или в конце XVII в. плохо читался латинский текст на камне.

Летописный характер русской надписи и латинского ее перевода определил до известной степени пути их распространения в русской письменности. Как правило, текст надписей на кремлевской башне входит в сборники, иногда тематически подобранные. Так, надписи попали в круг повестей о начале Москвы, исследованных и опубликованных в 1964 г. М.А. Салминой. Из тринадцати списков надписей девять так или иначе связаны с этим циклом: восемь составляют концовку в «Повести о начале Москвы»²³, и один завершает список «Сказания о зачатии Москвы и крутицкой епископии»²⁴. Так эпиграфические памятники приобрели смысл и значение реалий, призванных своей достоверностью оправдать в глазах читателей художественный вымысел повестей об изначальной истории Москвы и о ее великокняжеском роде. Возможно, что эта дополнительная концовка нашла отражение и в одном из греческих переводов «Повести о начале Москвы» конца XVII в.²⁵.

Нельзя не отметить также, что в некоторых списках после надписей на кремлевской башне выписывалась надпись на колокольне Ивана Великого, а в одном случае — еще и описание паникадила Успенского собора Московского Кремля, вклада Бориса Ивановича Морозова²⁶.

Проникновение в русскую письменность и даже в область художественной литературы текстов конца XV в., скопированных в XVII в., — явление не случайное. Дело заключалось не только в хозяйственном, охранном описании ветхостей. И не в том, что при переводе на греческий язык (не без участия Спафария) к «Повести о начале Москвы» механически присоединились списки надписей. В конце XVII в. надписи всякого рода привлекали к себе внимание, вызывали интерес. Значение слова, слова-эпиграфа, изречения или девиза, иногда эпитафии возрастает в период, когда во всех сферах культуры все более и более сказываются требования стиля эпохи — барокко²⁷. В это время в круг интересов древнерусских книжников входит составление своеобразных сводов, примером чего является известный список надписей на надгробиях Троице-Сергиевой лавры²⁸. Списываются надписи с надгробия Максима Грека, составляются пышные стихотворные эпитафии патриарху Никону, Симеону Полоцкому, царю Федору Алексеевичу²⁹, с большим вниманием составляются переводы подписей к гравюрам в Библии Пискатора и к настенным листам. В Посольский приказ обращаются не только из Кремля, а, например, из владимирского судного приказа с просьбой прислать переводчика для перевода надписей на пушках³⁰. Таким образом, надписи на Фроловских воротах Московского Кремля являются не только историческим свидетельством русско-итальянских культурных связей XV в. и деятельности в Москве зодчего Пьетро Антонио Солари, но имеют и определенное историко-художественное значение, которое было впоследствии, в XVII в., осмыслено по-новому. Эти редкие эпиграфические памятники конца XV в., сохранившие имя заказчика, архитектора и называющие точную дату со-

зданных им сооружений, шагнули далеко за XV столетие, войдя в круг совершенно новых историко-культурных явлений, связанных с восточнославянским барокко конца XVII — начала XVIII в.

¹ См.: Снегирев И.М. Памятники московской древности с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы. М., 1841—1845, с. 328.

² См.: Бартенев С.П. Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 1. М., 1912, с. 129.

³ См.: Хрептович-Бутенев К.А. Латинская надпись на Спасских воротах и их творец, Петр Антоний Солари. — В кн.: Сборник статей в честь гр. П.С. Уваровой. М., 1916, с. 215—228; Орешников А.В., Трутовский В.К. Русская надпись на Спасских воротах. — Там же, с. 229—230.

⁴ См.: Орлов А.С. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1936, с. 137; изд. 2-е. М.—Л., 1952, с. 147—148.

⁵ См.: Гиршберг В.Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья. Ч. 1. Надписи XIV—XVI вв. — НЭ, 1. М., 1960, с. 14, табл. 1, рис. 1; последнюю публикацию латинской надписи см.: Федорова Е.В. Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982, с. 219. Эта публикация взята нами за основу. [Русская надпись на с. 51, как и в других статьях сборника, по техническим причинам приводится в современной орфографии. — *Ред.*]

⁶ См.: Бартенев С.П. Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 1, с. 129.

⁷ См.: Орешников А.В., Трутовский В.К. Русская надпись на Спасских воротах, с. 229, 230.

⁸ См.: Белянкин Л. Исторические записки о Фроловских, что ныне Спасских, кремлевских воротах в Москве. М., 1850; упоминание гравюр см.: Обольянинов Н.Н. Каталог русских иллюстрированных изданий 1725—1860 гг. Т. 1. М., 1914, с. 67, № 305.

⁹ См.: ПСРЛ. Т. 8 (продолжение летописи по Воскресенскому списку), с. 219. Впрочем, в сообщениях Софийской второй (ПСРЛ. Т. 6, с. 38) и Новгородской четвертой (ПСРЛ. Т. 4, с. 16) летописей он назван Петр Антон Фрязин, без определения «архитектон» и без прозвища Солари.

¹⁰ См.: Гиршберг В.Б. Надпись мастера Повилики. — СА, 1959, № 2, с. 248—249, рис. 1; Он же. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья, с. 29, № 44, рис. 2.

¹¹ См.: Бычков А.Ф. О материалах к библиологическому словарю П.М. Строева. — В кн.: Библиологический словарь и черновые к нему материалы П.М. Строева. Спб., 1882, с. 3, примеч. 1.

¹² См.: Forcella V. Iscrizioni delle chiese e d'altri edifici di Roma dal secolo XI fino al giorni nostri. Vol. 1—14. Roma, 1869—1884. В этом издании находим надпись, называющую под 1514 г. родственника Солари (Alberio Solario mediolanensi, architecto peritissimo) и его братьев Петра, Христофора и Андрея (vol. 13. Roma, 1879, p. 350, N 820).

¹³ См.: Giacomotti J. La majolique de la Renaissance. Paris, 1961, pi. II, p. 10, 38, 157; Rackham B. Catalogue of Italian majolica. Victoria and Albert Museum. London, 1940, № 147. Благодарю за сообщение об этой традиции в майолике сотрудника ГМИИ Г.А. Есипову.

¹⁴ Ср.: Подольская Н.В. Надписи на предметах и зданиях — лингвистический источник (по материалам XI—XIV веков). — В кн.: Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966, с. 25—43.

¹⁵ Инв. № А—1600, размер 84x59x10 см. Приношу благодарность сотруднику Музеев Кремля А.В. Гращенкову за это сообщение. Башня в 1658 г. изменила название (с Фроловской на Спасскую) и не раз подвергалась переделкам (каменные рельефы, иконы и др.).

¹⁶ Опись ветхостей в башнях и стенах Московского Кремля, Китая-города и Белого города 1667 года. — ЧОИДР, 1877, кн. 2, «Смесь», с. 1—16 (по рукописи ГБЛ, Музейное собрание, № 1390/5; см. также: Музейное собрание рукописей ГБЛ. Ч. 1. М., 1961, с. 217—218).

¹⁷ Сверено по рукописи (ГПБ, Q. XIII. 8, л. 3, 4 об., 5, 33 и др.); см. издание

текста: Бартенев С.П. Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 2. М., 1916, с. 183—193.

¹⁸ БАН, 34.6.59, л. 631 об.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 52, оп. 1, реестр 1 (книги), 1671 г., д. 7, л. 130—147.

²⁰ Недавно в Хельсинкском университете обнаружены книги на латинском языке, по которым это обучение проводилось. Благодаря Т.П. Воронову, М.В. Кукушкину и И.Н. Лебедеву за сообщение об этих книгах. На них записи типа: «Николай Спофарей челом ударил» (см.: Русские библиотеки и их читатель. Л., 1983, с. 152; Библиотека А.А. Матвеева. Каталог. М., 1986).

²¹ Четыре списка XVII в. (из семи) опубликованы: тверской, ныне калининский (Забелин И.Е. История города Москвы. Ч. 1. М., 1902, с. 138—139; Сперанский М.Н. Описание рукописей Тверского музея. М., 1891, с. 214; Голубев И.Ф. Коллекция рукописей Гос. архива Калининской области. Краткий обзор. Калинин, 1960, с. 42, № 310/150); румянцевский, ныне в ГБЛ, собрание Румянцева, № 413 (Востоков А.Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, с. 638—639, № 413); из собрания ОИДР, № 212, ныне также в ГБЛ (Повести о начале Москвы. Исследование и подготовка текстов М.А. Салминой. М.—Л., 1964, с. 187), из собрания БАН, 34.6.59 (там же, с. 180). Только в одном сборнике (ГИМ, собрание Уварова, № 148) надписи приведены порознь, сначала латинская (л. 84 об.), а затем русская (л. 92).

²² Например, в списке ОИДР.

²³ ГИМ, Синод, собрание, № 153, л. 3 об. — 4; ГПБ Эрмитажное собрание, № 356, л. 3 об.; БАН, 34.6.59, л. 631 об.; ГПБУ, собрание Киев, ун-та, Маслов, № 115/63, л. 4 об. — 5; ГИМ, собрание Уварова, № 670/1308, л. 298 об. — 299; ГАКО, № 150/3237, л. 2; ГБЛ, собрание Румянцева, № 413, с. 123; ГБЛ, собрание ОИДР, № 212, л. 177—177 об.

²⁴ ГБЛ, собрание Ундольского, № 664, л. 15 об.

²⁵ См.: Лопарев Х.М. Повесть о смерти князя Даниила Александровича и о начале Москвы. — ПДПИ. Вып. 141. Прил. СПб., 1901, 2-я паг., с. 7. В некоторых сборниках надписи Спасской башни сочетаются с сочинениями Николая Спафария (в списке ГБЛ, собрание Румянцева, № 413, находится «Василиологгон», в списке БАН, 19.1.5, — «Титулярник»).

²⁶ БАН, 19.1.5, последняя четверть XVIII в., л. 55 об. — 57 (см.: Исторические сборники XVIII—XIX вв. (Описание ОР БАН СССР). Т. 3. Вып. 3. Л., 1971, с. 38).

²⁷ См., например: Панченко А.М. Слово и Знание в эстетике Симеона Полоцкого. — ТОДРЛ. Т. 25. М.—Л., 1970, с. 232—241.

²⁸ ГБЛ, ф. 304, № 820 (опубликован: Леонид, архим. Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре от основания оной до 1880 года. М., 1880).

²⁹ Подробнее см.: Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973, с. 111—115 и др.

³⁰ ЦГАДА, ф. 138, оп. 1, 1699 г., д. 7.